

ПАМЯТИ К. В. ПИГАРЕВА

Статья Е. Н. Лебедева

Более полувека продолжалась творческая деятельность замечательного советского литературоведа Кирилла Васильевича *Пигарева* (1911—1984). Его научные интересы были широки и охватывали целый ряд значительных явлений и важных проблем истории русской литературы XVIII—XIX вв. Высокая исследовательская и общая культура обуславливала глубину и ясность взгляда, убедительный характер решений, столь свойственные его трудам как большим, так и малым.

Если говорить о крупных исследованиях, то К. В. Пигарев оставил после себя сравнительно небольшое наследие: «Солдат-полководец. Очерки о Суворове» (1943), «Жизнь Рылева» (1947), «Творчество Фонвизина» (1954), «Жизнь и творчество Тютчева» (1962), «Русская литература и изобразительное искусство (XVIII — первая четверть XIX в.). Очерки» (1966), «Русская литература и изобразительное искусство. Очерки о русском национальном пейзаже середины XIX в.» (1972). Благодаря исследовательским принципам, которым К. В. Пигарев неукоснительно следовал на протяжении всей своей жизни, его труды и сейчас сохраняют всю полноту научной и культурной ценности. И современный и будущий исследователь не смогут их обойти, ибо они информативны, точно ориентируют в предмете, способствуют зарождению плодотворных ассоциаций и идей.

Сказано: «Стиль — это человек»... В стиле научной работы К. В. Пигарева вполне запечатлелись такие черты его личности, как предельная обстоятельность, внимание и уважение к чужим трудам, наконец, его удивительная скромность, которая в научных и литературных кругах получила почти «фольклорную» известность, воплотившись в разного рода рассказах, передаваемых из уст в уста, и стала неотделимой от имени Кирилла Васильевича даже в сознании людей, никогда не общавшихся с ним лично.

О К. В. Пигареве можно смело сказать, что он был одним из живых носителей лучших традиций русской культуры. И дело здесь, конечно, не в его происхождении (он доводился правнуком Ф. И. Тютчеву). Дело в том, что жизнь свою и научно-литературную работу свою он рассматривал как служение целям и ценностям высшего духовного порядка, умея все в себе подчинить этому: и строй своих мыслей и чувствований, и каждодневное свое поведение.

К. В. Пигарев не принадлежал к той или иной литературоведческой школе. Он не был учеником или последователем какого-нибудь известного ученого. Начав свой путь в литературоведении в конце 1920-х годов, он в эту сложную пору, отмеченную острой научной полемикой, напряженными методологическими исканиями, пытается найти свой стиль исследования и опирается при этом как на лучшие достижения дореволюционного академического литературоведения, так и молодой советской науки, литературной науки. Среди своих старших современников он особенно ценил М. П. Алексеева, Вас. В. Гиппиуса, Г. О. Винокура, С. М. Бонди, а также Д. Д. Благого; из сверстников наиболее близким ему был А. В. Черин.

По сути дела, К. В. Пигарев был в науке тем, что англичане называют «self-made man» («человек, сам себя создавший»), ибо, как это ни покажется странным, он не получил никакого систематического «дипломированного» образования. Высшие государственные литературные курсы, на которые он поступил в 1927 г., были в 1929 г. упразднены. После этого он непродолжительное время (1930—1931) посещал Государственные библиотечные курсы, а в 1932 г. стал научным сотрудником Музея-усадьбы «Мураново» им. Ф. И. Тютчева. Но с Мурановом он был органически связан с самого детства. Большое и благотворное влияние оказывает на К. В. Пигарева в эти и последующие годы его дядя — внук поэта, директор Мурановского музея, заслуженный деятель искусств РСФСР Н. И. Тютчев (его памяти К. В. Пигарев посвятит впоследствии свой главный труд — монографию «Жизнь и творчество Тют-

К. В. ПИГАРЕВ

Фотография Н. Белякова. Мураново, 14 июня 1975 г.

Музей-усадебка Мураново им. Ф. И. Тютчева

чева). В сущности, он и был на первых порах научным руководителем молодого исследователя. Нельзя не упомянуть и о таком замечательном факте биографии будущего автора книг о связях русской классической литературы с изобразительным искусством, как его тесное и продолжительное общение с выдающимся русским художником М. В. Нестеровым, начавшееся в годы юности К. В. Пигарева.

Творческая активность К. В. Пигарева началась рано. Семнадцати лет опубликовал он свои первые заметки и статьи «Тютчев о Вольтере», «Перевод Тютчева из Гюго», «Тютчев — переводчик Гёте»¹. Уже в них проявились характерные черты его исследовательского стиля, о которых было говорено: бережное отношение к художественному тексту, привлечение неизданных или забытых материалов, осторожность в выводах, свидетельствующая не о робости, а о строгости молодого ученого. Надо сказать, что эти его осторожные выводы и сейчас не утратили интереса не только для специалистов-тютчевоведов, но и для теоретиков и историков художественного перевода (это особенно справедливо в отношении статьи о переводах Тютчева из Гёте, где определены общие принципы переводческого *сredo* поэта).

В 1930-е годы, продолжая эдичионно-текстологическую работу по публикации новых материалов и систематизации уже известных², К. В. Пигарев пишет большую статью на тему, по существу не исследованную до него, — «Ф. И. Тютчев и проблемы внешней политики царской России»³. Документальные материалы этой статьи привлекли внимание такого авторитетного историка, как академик Е. В. Тарле⁴. Во второй половине предвоенного десятилетия К. В. Пигарев активно трудится как текстолог и комментатор Тютчева⁵.

Во время Великой Отечественной войны К. В. Пигарев в меру отпущенных ему сил (по состоянию здоровья он не подлежал призыву) вносит свой вклад во всенародную борьбу с врагом. Причем, делает это, ни на йоту не поступаясь своими профессиональными принципами. Он обращается к патриотической тематике и пишет небольшое исследование о великом А. В. Суворове со всей научной добросовестностью и обстоятельностью, ему присущими. Без громких фраз, единственно путем объективного анализа исторического материала К. В. Пигарев показывает стратегический гений А. В. Суворова. Понимая, насколько важно в военных условиях живое суворовское слово, он помещает в приложениях «Науку побеждать», приказы А. В. Суворова по армии и некоторые его письма. «Солдат-полководец» — можно сказать, что уже в самом этом названии книги была заложена ее концепция. Неудивительно, что «эта книжка небольшая» была признана практически полезной для командного состава и

выдержала целый ряд изданий — в 1943, 1944, 1945 и 1948 гг. К. В. Пигарев защищает ее в 1944 г. как диссертацию на соискание ученой степени кандидата исторических наук.

В дальнейшем К. В. Пигарев целиком посвящает себя филологии и музейной работе. В 1949 г. он становится директором Мурановского музея, сменив на этом посту скончавшегося Н. И. Тютчева, и одновременно — научным сотрудником Института мировой литературы им. А. М. Горького АН СССР. Здесь он работает над монографией «Творчество Фонвизина» и защищает ее в 1954 г. как докторскую диссертацию по филологическим наукам. В научном творчестве Пигарева наступает пора зрелости. Он готов к созданию своего главного труда.

Тютчевская биография, написанная в 1874 г. И. С. Аксаковым, при всех ее очевидных достоинствах в наши дни не удовлетворяет задаче научного осмысления творчества великого поэта. И это закономерно. За время, прошедшее после публикации аксаковской книги, поэзия Тютчева перестала быть достоянием узкого круга, общественный резонанс ее после Октября неизмеримо возрос, она прочно заняла свое место в золотом фонде мировой лирики, — все это нужно было предварительно подытожить и ввести в научный оборот. Несмотря на то что в 1950—1960-е годы количество специалистов по Тютчеву заметно увеличилось, никто из них не был так же хорошо, как К. В. Пигарев, подготовлен к выполнению необходимой работы по систематизации того огромного материала, который был накоплен тютчеведением почти за столетие. Справедливость такого заключения подтверждает сама его монография «Жизнь и творчество Тютчева» (М., 1962).

Биографическая часть книги К. В. Пигарева написана в лучших отечественных традициях жизнеописательного жанра. Научная основательность не приходит здесь в губительное противоречие, скажем так, с популярной доступностью, ясностью и внятностью изложения. Не случайно эта часть монографии была переиздана к 175-летию поэта массовым тиражом под названием «Ф. И. Тютчев и его время» (М., «Современник», 1978. Библиотека «Любителям российской словесности»). Не случайно потому, что, написанная во второй половине XX в., она читается буквально как свидетельство очевидца.

Что касается литературоведческой части, то она отмечена широтой охвата поэтического материала с опорой практически на всю предшествующую научную литературу, свежими и интересными наблюдениями (особенно в характеристике средств художественной выразительности тютчевского стиха), принципиально новым освещением вопросов, казавшихся давно решенными. Так, например, ни на миг не ставя под сомнение совершенно феноменальный импровизаторский дар поэта, К. В. Пигарев посредством скрупулезного анализа сохранившихся автографов его стихотворений показывает, насколько напряженно и серьезно работал он над некоторыми своими произведениями.

В целом монография К. В. Пигарева стала и, судя по всему, еще долго будет оставаться незаменимым путеводителем по сложному миру Тютчева — поэта, мыслителя, человека.

Сам исследователь рассматривал ее как подведение только лишь предварительного итога изучения Тютчева и отправную точку для новых разысканий.

В следующих своих монографиях по русской литературе и изобразительному искусству (1966, 1972), выступив в советском литературоведении пионером комплексного изучения литературы и живописи, он рассматривает среди других наших классиков и Тютчева под новым углом зрения. Это позволяет ему расширить круг имен, так или иначе ассоциирующихся с Тютчевым. Если раньше творчество поэта помещалось либо в литературный, либо в философский ряд («Тютчев и Державин», «Тютчев и Пушкин», «Тютчев и Некрасов» и т. п. или «Тютчев и Шеллинг», «Тютчев и Паскаль» и т. д.), то здесь проводятся совершенно новые параллели — поэзия Тютчева сопоставляется с изобразительным искусством (русские художники-романтики, И. Левитан и др.). Вместе с тем значительно расширяется и собственно литературный ряд, в котором стоит Тютчев, — его имя убедительно связывается с именами С. Т. Аксакова, И. С. Тургенева, Д. В. Григоровича, И. А. Гончарова и др.

Вообще 1960-е годы были особенно плодотворны для К. В. Пигарева как в области его тютчевских исследований⁸, так и в его культурно-просветительской работе. Именно в эту пору Мурановский музей под его руководством становится, в сущности, центром по изучению жизни и творчества Тютчева и Е. А. Боратынского. К. В. Пигарев поддерживал и развил тот особый, «мурановский» стиль музейной работы, который был создан в свое время Н. И. Тютчевым. Основные черты этого стиля — благородная и строгая простота в общении с посетителями (и как следствие — полное отсутствие музейной дистанции между ними и прошлым), самоотверженность в сохранении культурного богатства. Как директор музея К. В. Пига-

рев сумел не только воспитать серьезных научных работников и экскурсоводов, но и передать им ощущение высокой личной ответственности за великую культуру, пропагандистами и исследователями которой они являются. Именно с 1960-х годов к К. В. Пигареву в Мураново начинают съезжаться не только советские специалисты по Тютчеву и Е. А. Боратынскому, но и ученые и аспиранты из Англии, Венгрии, ГДР, Норвегии, США и других стран. Авторы дарят музею свои книги о поэтах, переводы их стихотворений.

К К. В. Пигареву приходит, как говорят в таких случаях, международное признание. В 1969 г. его приглашают в Норвегию, Финляндию, Швецию и Данию с чтением лекций о Тютчеве. Он был первым советским литературоведом, выступившим в университетах Скандинавии. Его лекции произвели сильное впечатление на преподавателей и студентов славянских отделений университетов в Стокгольме, Копенгагене и Осло, Славяно-балтийского института в Осло, славистического кружка в Хельсинки (в Осло и Копенгагене, помимо тютчевских лекций, он еще выступил с сообщением на тему «Пейзаж в творчестве И. С. Тургенева и пейзаж в живописи его времени»). Скандинавская аудитория рукоплескала советскому ученому (хотя такая форма оценки лекций не принята в названных учебных заведениях). Поездка К. В. Пигарева получила положительные отклики в скандинавской прессе.

По возвращении К. В. Пигарев (в глубине души критически оценивавший свои лекторские способности) в течение двух лет, с 1969 по 1971 г., ведет тютчевский спецкурс в Литературном институте им. А. М. Горького Союза писателей СССР.

Конечно, научная и литературная деятельность К. В. Пигарева не ограничивалась одним только творчеством Тютчева. В ИМЛИ он работал как автор и редактор коллективных трудов и сборников по истории русской литературы, по русскому романтизму и классицизму, по истории науки о литературе в России и по другим вопросам. Ему принадлежит ряд исследований, комментариев и научно-популярных статей о жизни и творчестве С. Т. Аксакова, Е. А. Боратынского, К. Н. Батюшкова, Д. В. Веневитинова, П. А. Вяземского, А. И. Герцена, Н. И. Гнедича, В. А. Жуковского, Н. М. Карамзина, М. Ю. Лермонтова.

Тем не менее самой душевной и постоянной темой научного и литературного творчества его был Тютчев. К. В. Пигареву принадлежит около ста публикаций на тютчевскую тему. Вряд ли найдется у него работа, в которой так или иначе не присутствовал бы Тютчев. В последние годы К. В. Пигарев, уже тяжело больной, продолжал трудиться в этом главном направлении всей его жизни. Он руководит работой по созданию самого полного указателя литературы о Тютчеве⁷. В 1980 г. под его редакцией выходят «Сочинения» Тютчева (новое, дополненное издание—в 1984 г.)⁸. Наконец, он выступает с инициативой создания настоящего «тютчевского» тома «Литературного наследства», разрабатывает его первоначальные планы и снабжает будущее издание рядом документальных материалов.

С научной точки зрения ценность всего сделанного К. В. Пигаревым по собиранию, изданию, осмыслению и пропаганде тютчевского наследия очень значительна. С точки зрения нравственной вся деятельность К. В. Пигарева предстает как подвижническое служение великой русской культуре.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Мурановский сб.*, с. 33—35; там же, с. 36—42; *Уралия*, с. 85—113.

² К. П и г а р е в. Новооткрытые тексты Тютчева. — *Звенья*, т. 2, с. 267—284; К. П и г а р е в. Что перевел Тютчев. — *Звенья*, кн. 3—4, с. 245—262.

³ *ЛН*, т. 19—21, с. 77—218. Вообще тема «Тютчев — политический мыслитель», «Тютчев — дипломат» все еще ожидает всестороннего исследования. Указанная статья К. В. Пигарева точно так же, как и другая его работа тех лет — «Ф. И. Тютчев о французских политических событиях 1870—1873 гг.» (*ЛН*, т. 31—32, с. 753—776), по сию пору может служить добротной основой для размышлений в этом направлении.

⁴ Е. В. Т а р л е. Крымская война. М. — Л., Изд-во АН СССР, 1950, с. 551.

⁵ К. П и г а р е в. Судьба литературного наследства Ф. И. Тютчева. — *ЛН*, т. 19—21, с. 371—418; Ф. И. Т ю т ч е в. Стихотворения. Общ. ред. и вступ. ст. Вас. Гиппиуса. Ред. текста и прим. К. Пигарева. Л., «Сов. писатель», 1936; Ф. И. Т ю т ч е в. Полн. собр. стихотворений. Вступ. ст. и общ. ред. Вас. Гиппиуса. Ред. текста и прим. К. Пигарева. Л., 1939.

⁶ Ф. И. Т ю т ч е в. Лирика, т. I — II. Изд. подгот. К. В. Пигарев. М.; Наука, 1965.

⁷ Ф. И. Тютчев. Библиогр. указ. прозв. и лит. о жизни и деятельности. 1818—1973. Сост.: И. А. К о р о л е в а, А. А. Н и к о л а е в. Под ред. К. В. П и г а р е в а. М., 1978.

⁸ Ф. И. Т ю т ч е в. Соч. в двух томах. Общ. ред. К. В. Пигарева. М., 1980; Ф. И. Т ю т ч е в. Соч. в двух томах. М., 1984.